

**Сироткина Е. В.**

*кандидат исторических наук, доцент*

*Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при*

*Президенте Российской Федерации*

*г. Тамбов*

## **НА ПУТИ К СОЮЗУ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ: АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ**

**Аннотация:** В статье рассматривается эволюция австрийско-российских отношений после окончания Франко-прусской войны, завершившаяся основанием Союза трех императоров. Основное внимание автор сосредоточивает на критическом анализе выбора стоявшего перед австрийским и русским дипломатическими ведомствами в эти годы. Автор подчеркивает в своих выводах, что «Союз трех императоров» отражал незавершенность процесса кристаллизации политических сил в Европе.

**Ключевые слова:** Союз трех императоров, «европейская необходимость», европейская коалиция, «европейский концерт».

**Sirotkina E. V.**

*Candidate of historical Sciences*

*Associate Professor*

*Department of humanitarian disciplines in chief  
of the Tambov branch of the Russian Academy for state  
service of the President of the Russian Federation*

## **ON THE WAY TO THE THREE EMPERORS: AUSTRIAN-RUSSIAN RELATIONS AFTER THE END OF THE FRANCO-PRUSSIAN WAR**

**Abstract:** The article considers the evolution of the Austrian-Russian relations after the end of the Franco-Prussian war, which ended the basis of the three emperors. Great attention is focusing on a critical analysis of the choice facing the Austrian and Russian diplomatic offices in these years. The author stresses in its conclusions that «the Union of three emperors» reflected the incompleteness of the process of crystallization of the political forces in Europe.

**Key words:** The three emperors, «European necessity», the European coalition «European concert».

Чрезвычайно бурное десятилетие 1859–1871 г., оставило после себя новую европейскую ситуацию, и главной задачей каждой из великих держав стал поиск своего места в изменившихся условиях. Необходимо было свыкнуться с новыми реалиями, с новым соотношением сил, найти новый алгоритм взаимоотношений после фактического краха «европейского концерта». На этом заранее негативном фоне соперничества и недоверия друг другу вновь предстояло выстраивать и австрийско-российские отношения.

Интересными сведениями могли вооружить нового руководителя внешней политики Австро-Венгрии Д. Андраши донесения посла в Петербурге Б. Хотека, сумевшего завязать довольно широкие связи в русском обществе. Главный вывод посла заключался в том, что, хотя в России и существует сильное недовольство Австрией, Россия все же будет избегать всего, что могло бы привести к войне. Хотек высказывал убеждение, что новая ориентация панславистов, связанная с переменами, вызванными войной 1870–1871 гг., не может стать правительственной программой России. Панслависты призывают к наступлению на Балканах, уничтожению Габсбургской и Турецкой империй, к союзу с Францией с целью разгрома Германии. Но Горчаков хорошо понимает, что Франция бессильна, и поэтому ничего нельзя предпринять против Германии на востоке. Как представлялось Хотеку, даже так называемая Московская партия, глашатаем которой выступал М. Н. Катков, откладывала «восточные дела», выдвигая на передний план внутренние проблемы. Эти данные позволяли предполагать, что в настоящий момент Россия также не заинтересована в обострении отношений и протянутая ей австрийская рука не повиснет в воздухе.

Еще 23 ноября 1871 г. Андраши обратился к европейским державам с циркулярной нотой. В ней он заверял, что Австрия в настоящий момент намерена посвятить все свои силы внутренней реорганизации и не собирается искать какого-либо случая для внешнего расширения, ибо больше чем когда-либо она нуждается в развитии своих сил и повышении благосостояния. В Петербурге одобрительно оценили заявление Андраши. «В теории политическая программа, развиваемая Андраши, нам симпатична, – писал Горчаков новому послу в Австрии Е. П. Новикову, – и мы не требовали лучшего» [1, Д. 107, Л. 455]. Венская газета «Фремденблатт», орган австрийских консерваторов, в это же время уверяла, что многие обстоятельства должны заставить Россию и Австрию придерживаться возможно лучших отношений [1, Д. 227, Л. 15].

Между тем Россия оставалась основным конкурентом Австро-Венгрии на Балканах, оказавшихся в центре всех внешнеполитических планов Габсбургской монархии. В славянской же политике России и вовсе усматривалась угроза целостности Двуетной монархии. Согласие Турции на изменения в Парижском договоре 1856 г. улучшило русско-турецкие отношения, благодаря чему перед Россией открывались новые возможности на Востоке. Австрийский посол Хотек доверительно говорил своему французскому коллеге, что

намерения русской дипломатии в этой связи не перестают быть предметом беспокойства в его правительстве. Да и в целом успех России на Лондонской конференции по Черноморскому вопросу, усиление ее международных позиций после Франко-прусской войны оказывали заметное влияние на настроения Андраши. С одной стороны, это заставляло считаться с Россией, с другой – внушало усиленную тревогу за австрийские интересы в зонах столкновений с интересами России. А так как балканские планы Андраши заходили столь далеко, что не допускали примирения с русским влиянием в этом районе, он пришел на Бальхаусплац, с уже сформировавшейся мыслью о необходимости превентивной войны против России. «Если вопрос с Россией будет решен, – говорил Андраши, – тогда вопрос с Востоком решится сам собой» [6, S. 476]. Он был далек от самонадеянной уверенности в способности Австро-Венгрии решить эту задачу самостоятельно – силы были неравны. Речь шла о создании для этой цели европейской коалиции, возможной, поскольку, как он считал, в защите от русской экспансии была заинтересована вся Европа. Именно поэтому, утверждал Андраши, «пока Австрия является оплотом против России, ее существование будет оставаться европейской необходимостью» [7, S. 231].

Андраши предпринял попытку найти общий язык против России с Англией. Но в Лондоне, несмотря на часто проявляемую враждебность к России, не выразили желания связываться на этой почве с Габсбургской монархией, предпочитая сохранить свободу рук для гибкой тактики в отношениях с Россией [2, с. 580]. Не удалось Андраши привлечь на свою сторону и Бисмарка.

Впрочем, планы Андраши не встречали безоговорочной поддержки и в самих правящих кругах австро-венгерской монархии, прежде всего, в лице австрийских консерваторов. С Андраши резко спорил, пользовавшийся большим влиянием при дворе, эрцгерцог Альбрехт. Он считал, что после того, как отпали надежды на Францию, только дружба с Россией даст шанс Австрии на будущее и возможность противостоять давлению со стороны Германской империи. Эта концепция в известной мере импонировала династическим чувствам Франца Иосифа, но он боялся, что, обнаружив склонность Австро-Венгрии к союзу с Россией, Германия предпримет контрход и предложит России раздел Австрии. Поэтому австрийский монарх опасался заходить так далеко [2, с. 88].

Некоторые обстоятельства подсказывали российскому правительству желательность сбалансировать свои отношения с Веной. Поддержание хороших отношений с Австро-Венгрией в условиях, когда Франция уже не могла быть противовесом Германии в Европе, являлось, пожалуй, единственным средством ослабления зависимости России от германской поддержки и возможного давления Германии на русскую политику. Нельзя было упускать из виду и того, что Австро-Венгрия могла бы взять сторону Англии в случае острого англо-русского конфликта. Сближение с Веной снимало или, по крайней мере, ослабляло и эту угрозу.

Вместе с тем ряд признаков свидетельствовал о желании Вены расчистить дорогу к сближению с Россией. Франц Иосиф через австрийского военного атташе Бехтольсхейма обратился к царю с предложением разрешить австрийским офицерам присутствовать на русских маневрах с целью возродить военные традиции. Это предложение встретило положительный отклик у Александра II [1, Д. 106. Л. 82-83].

Привлекла внимание Петербурга и статья в «Нойе фрайе прессе», в которой говорилось, что «ни Австрия, ни Германия не заинтересованы оберегать британские колониальные владения или британские интересы в Азии против России» [1, Д. 226. Л. 24]. Конечно, это звучало обнадеживающе для ушей российских политиков. «Московские новости» приветствовали эту статью как признак возможного поворота в позиции Австрии, «которая до сих пор во всех делах, касающихся не только ближайшего, но и отдаленного Востока, рабски следовала на буксире английской политики» [3].

В июне 1873 г. Александр II в сопровождении Горчакова отправился в Вену. Это был первый визит русского царя в австрийскую столицу после Крымской войны. Таким образом, поездка приобретала демонстративное политическое значение. Россия как бы заявила о забвении той «неблагодарности», которой Австрия «удивила мир» в 1853–1856 гг.

Царь и Горчаков попытались склонить австрийское правительство примкнуть к русско-германской конвенции от 24 апреля (6 мая) 1873 г., но австрийцы отказались. Вместо военной конвенции австрийцы предложили России иное соглашение. Оно было подписано 25 мая (6 июня) 1873 г. в Шёнбрунне под Веной. Документ имел форму договора между монархами и под ним стояли только их подписи. Оба императора обязывались договариваться в случае возникновения разногласий в конкретных вопросах, дабы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка». В случае угрозы нападения со стороны третьей державы оба монарха обязывались условиться друг с другом «о совместной линии поведения». Если бы в результате этого соглашения потребовались военные действия, характер их должна была бы определить специальная военная конвенция [4]. Легко заметить, что Шёнбруннская конвенция носила довольно расплывчатый характер. 11 (23) октября, по приезде в Австрию, германский император Вильгельм I присоединился к Шёнбруннскому соглашению. Оно-то и получило неточное наименование «Союза трех императоров».

«Союз трех императоров» отражал незавершенность процесса кристаллизации политических сил в Европе, пережившей ломку старой системы отношений в результате поражения Франции и возникновения Германской империи. А также вступающей в полосу обострения неравномерности развития отдельных стран. Здесь многое было неясно. «Старой Европы уже нет, а новой Европы еще нет», – писала французская газета «Либерте» в статье «Европа в 1875 г.» [5, с. 174]. В таких условиях внешнеполитическая коалиция, направленная на осуществление старого определенных целей, была невозможна. Но эта коалиция не была и

копией «Священного Союза» и не базировалась только на династических чувствах. Августейшая троица клятва иметь верность легитимизму уже не приносила, революций не подавляла, интервенций в чужие земли не намечала и с «врагом внутренним» сражалась дома поодиночке.

#### *Список литературы*

1. Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.). АВПРИ. Канц. 1872 г. Д. 106; 107; 226; 227.
2. История дипломатии: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2009.
3. Московские ведомости. 1872. 2 (14) сентября.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
5. *Шнеерсон, Л. М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруссских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. [Текст] / Л. М. Шнеерсон. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 304 с.
6. *Lutz H.* Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidung 1867–1871. Frankfurt a. M. – Wien, 1979. – 576 S.
7. *Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900–1918.* – Berlin, 1965. – 291 S.